

Освальд Шпенглер и чешский контекст (маргинальные заметки)

Иво Поспишил (Брно)

Когда Освальд Шпенглер в своей книге *Закат Запада* (Закат Европы/Закат Западного мира, 1918, 1922, 2010) писал в вводных разделах о философии истории человечества, созидая свою концепцию морфологии истории, он исходил из сравнительно новых открытий истории, археологии и культурологии, главным образом, империй древних веков, формулируя свой исходный пункт изложения: „Und so erweitert sich die Aufgabe, die ursprünglich ein begrenztes Problem der heutigen Zivilisation umfaßte, zu einer neuen Philosophie, der Philosophie der Zukunft, soweit aus dem metaphysisch erschöpften Boden des Abendlandes noch eine solche hervorgehen kann, der einzigen, die wenigstens zu den Möglichkeiten des westeuropäischen Geistes in seinen nächsten Stadien gehört: zur Idee einer *Morphologie der Weltgeschichte, der Welt als Geschichte*, die im Gegensatz zur Morphologie der Natur, bisher fast dem einzigen Thema der Philosophie, alle Gestalten und Bewegungen der Welt in ihrer tiefsten und letzten Bedeutung noch einmal, aber in seiner ganz andern Ordnung nicht zum Gesamtbilde alles Erkannten, sondern zu einem Bilde des Lebens, nichts des Gewordenen, sondern des Werdens zusammenfaßte.“¹ Говоря о душах культуры, он образует следующие исторические модели с особыми прасимволами (вавилонская, арабо-византийская, египетская, индийская, китайская, майанская, греко-римская, западноевропейская, русско-сибирская), хотя становится ясным, что характеристика приведенных звеньев в цепи исторических поворотов, возвращений и кружений слишком редуционистская, выдвигающая на первый план только некоторые черты прошлых цивилизаций и культур, подавляя другие, опираясь лишь на некоторые цивилизационные признаки и стройные культурные целые. Разумеется, что наиболее выразительно воздействовала книга Шпенглера на русских и русскую среду. Это связано

¹ O. Spengler: Oswald Spengler: Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Цитировано по изданию: Verlags-GmbH, Stuttgart 1978, с. 6-7. См. с темой связанную следующую литературу: Oswald Spengler: Die Revolution ist nicht zu Ende. Gerhard Stalling, Oldenburg i. O. 1924. Unveränderter Abdruck des Kapitels „Die Revolution“ aus der im Jahre 1919 entstandenen und bei der C. H. Beck'schen Verlagsbuchhandlung, München, erschienenen Schrift Oswald Spenglers „Preußentum und Sozialismus“. Oswald Spengler: Reden und Aufsätze. C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, München 1937. Степан Федорович Одуев: Тропами Заратустры. „Мысль“, Москва 1971; чешское издание: Stezkami Zarathustry. Svoboda, Praha 1976. Oswald Spengler: Zánik Západu. Obrisy morfolgie světových dějin. Přel. Milan Váňa, doslov Martin C. Putna. Academia, Praha 2011. I. Pospíšil: Střední Evropa a Rusko: pohledy, recepce, průniky. In: Střední Evropa jako kulturní průsečík a Slované: tradice – perspektivy – úskalí (několik vybraných okruhů). Spoluautor a editor. Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, Brno 2011, с. 61-113.

с наплывом религиозной русской философии, кульминирующей изданием сборника *Вехи* (1909) и позже, а также и после вынужденной эмиграции русских идеалистических философов за пределы советской России (Н. Бердяев, П. Струве, С. Франк, С. Булгаков, М. Гершензон), и с текущей ситуацией России в годы Первой русской революции 1905–1907 гг., Первой мировой войны и двух революций 1917 года, которые привели к рассуждениям о мировой революции, глобальных катаклизмах и мессианской роли России, о которой думали люди разнородных убеждений, как, например, Н. Бердяев, Н. Гумилев и М. Горький. Недаром феномен России затронул и Шпенглера, который не без причины отвел России специфическое место в своей вышеприведенной типологии „души культур“. Особой темой является, например, мнимая связь между рассуждениями Шпенглера в *Закате Запада* и идеологией евразийства. Кроме того, само собой разумеется, полемики вокруг России и Запада проходят красной нитью сквозь все развитие общественной и философской мысли с конца XVIII и на протяжении всего XIX веков (славянофильство, западничество, радикальные позитивисты-западники или же революционные демократы, почвенничество, народничество), так что книга Шпенглера в напряженные годы на грани 10-х и 20-х годов XX века очутилась на плодородной почве, внутренне подготовленной к ее восторженной рецепции.

Причин интенсивного восприятия произведения Освальда Шпенглера о закате Запада сравнительно больше, например, повышенный интерес к идеалистической философии вообще, к неопозитивизму, неотомизму, оригинальным версиям феноменологии, к поэтике литературы серебряного века в связи с сумерками империи. Кроме того, сама позиция России как великой державы способствовала интересу к решению общих, мировых вопросов и в связи с известным русским мессианизмом. Интерес к Шпенглеру, в особенности к его нашумевшей в начале 20-х годов XX века книге, не ослабевал и позже, когда заново образовавшийся СССР стремился к созиданию более прочной международной позиции; чтение Шпенглера не переставало быть вдохновляющим.

Другое отношение к Шпенглеру господствовало в странах Центральной Европы, которую немцы до сих пор считают чисто немецким пространством, как об этом свидетельствуют высказывания выпускников немецких школ и после 1945 г.; этот взгляд связан, может быть, и с идейной основой Фридриха Науманна в его книге *Das Mitteleuropa*. Другие взгляды, исходившие, между прочим, из анализа австрийских, славянских, французских и британских специалистов, подчеркивали мультинациональный и мультикультурный характер Центральной Европы, причем

зачастую забывается ее более широкая концепция, связывающая воедино не только германо-славянскую целостность, но и венгерское, румынское и итальянское пространство. Проблема Центральной Европы занимает особое положение и в восприятии идей Освальда Шпенглера, выраженных в его книге о закате Запада.

В географическом смысле территория Центральной Европы – это часть современной Германии – по крайней мере Саксонии и Баварии – части Польши, вся Австрия, Чехия, Моравия, чешская и польская Силезия, части Украины и Румынии; Центральная Европа зачастую отождествляется с территорией Австро-Венгерской монархии. Таким образом, географическая точка зрения постепенно переходит в административно-политическую или же геополитическую. С этим связана как этнолингвистическая, так и культурологическая точка зрения, выраженная в 1915 г. уже упомянутой известной книгой сенатора немецкого Рейхстага Ф. Науманна, который в разгар Первой мировой войны анализировал этот феномен в смысле немецкого языкового, культурного, идеологического и политического пространства в связи с военной ситуацией в Центральных державах, Германии и Австро-Венгрии. Время от времени подчеркивается значение этого понятия в связи с политическими изменениями после падения железного занавеса и коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе. Геополитическим содержанием этого понятия является иногда образование какой-то переходной зоны между западной и восточной Европой, в более узком смысле (если это понятие, хотя бы частично, отождествляется с Австро-Венгрией) транзитивное пространство между Германией и Россией.

Хотя зачастую утверждается, что феномен Центральной Европы „родился“ после наполеоновских войн в связи с новым разделением Европы и что его использовали на протяжении всего XIX века, настоящая конъюнктура понятия связана скорее с XX веком. По концепции Д. Дюришина, на территории Центральной (Средней) Европы образовался так называемый среднеевропейский центризм, интегрирующий славянский (точнее западнославянский, частично восточнославянский и южнославянский) компоненты, германский (немецкий или же австрийский), отчасти и романский (северная Италия, часть Румынии), угрофинский (Венгрия) и еврейский, связанный зачастую с немецкой языковой культурой, иногда также славянской (Чешские земли, Польша, Украина), который выступает как самостоятельный, единый феномен, с другой стороны, однако, распадается на отдельные составные части. Это касается и славянской центральноевропейской общности. По отношению к германским нациям отличаются

друг от друга чехи, поляки и словенцы, по отношению к венграм – словаки, хорваты и на территории южных славян живущие восточные славяне, по отношению ко всем – евреи.

Центральноевропейский территориальный комплекс с изменчивой позицией культурных центров и периферий, вместе со специфическим переплетением национальностей, культур и религий вынужден признавать культурную разнородность и критиковать узкий этноцентрический принцип. На территории Центральной Европы давным-давно бытовал мультикультурализм еще до мультикультурализма.

Вместе с развитием особой культурной, духовной атмосферы на территории Центральной Европы образовалась и особая литература, связанная с ее судьбами, насыщенная специфическими приемами, темами, мотивами, персонажами и проблемами. Именно особая культурная атмосфера Центральной Европы способствовала формированию личностей, особо чувствительных к разным менталитетам и манифестациям мультинациональных и мультикультурных начал. Однако ареал Центральной Европы не был сложным только с ментальной и культурной точек зрения; огромные политические сдвиги XX века повлекли за собой испытания характеров и трагедии человеческих судеб. Общественные катаклизмы и последствия революционных переворотов воздействовали на ареал Центральной Европы прежде всего в межвоенный и послевоенный периоды.

Феномен Центральной Европы играл важную роль в восприятии России и русской культуры и искусства в целом, т. е. и чешский образ русского мира проходил через призму центральноевропейских стереотипов. С другой стороны, русские нередко проникали в Центральную Европу в военном и научно-культурном смысле, именно в XX веке они особым образом влияли на формирование центральноевропейской науки и культуры и в смысле советского импакта и воздействия русской эмиграции. Русские входят в состав Центральной Европы, и чешский взгляд на Россию находится под влиянием общецентральноевропейского, т. е., главным образом, германо-славянского комплекса, менталитета и культурных моделей, которые в этом ареале постепенно образовались на протяжении веков.²

² См. хотя бы некоторые из сравнительно большого количества наших работ по Центральной Европе: Central Europe: Substance and Concepts. Constantine the Philosopher University in Nitra, Faculty of Central European Studies, Nitra 2015. Методология и теория литературоведческой славистики и Центральная Европа. Colloquia litteraria Sedlcensia XXI, Instytut Neofilologii i Badań Interdyscyplinarnych Uniwersytetu Przyrodniczo Humanistycznego w Siedlcach, Siedlce 2015. Litteraria Humanitas XI. Crossroads of Cultures:

Особую позицию в Центральной Европе занимают исторические Чешские земли и их преемнические государства, включая бывшую Чехословакию и современную Чешскую Республику. Исторические судьбы на грани германского, романского и славянского миров привели к явлению, которое чешский историк Франтишек Палацкий охарактеризовал как доминантный признак истории чешского народа „общение и борьба с немцами“ (по-чешски „stýkání a potýkání s Němci“). То, что чешский островок на форпостах славянского мира, вклинившийся в немецкую территорию, ставший ее государственно-политической составной частью, но все же автономной, более или менее независимой, по крайней мере с языковой и культурной точек зрения, стремившийся к возобновлению своей независимости в полном государственном и политическом смысле, выдержал натиск сплошной германизации, кажется и сейчас настоящим чудом. Это, однако, имело и имеет свои последствия, т. е. политическая игра разными картами, колебание между Германией, Россией, Францией, Британией и США, и менее широкий, сравнительно узкий коридор, ведущий в мир и понятное и естественное недоверие к чужому. С одной стороны, тесные связи с немецкой мыслью, поиски большей меры уравновешенности по отношению к французской и британской философии (Т. Г. Масарик), с другой, антинемецкое сопротивление, именно то, что Масарика критиковал и его ученик Г. Г. Шауэр в своей когда-то на шумевшей статье *Наши два вопроса*.³ Хотя на грани 10-х и 20-х гг. XX века кульминация процесса национального возрождения давно прошла, осталось, однако, недоверие к немецким духовным продуктам, усиленное

Central Europe, Kreuzwege der Kulturen: Mitteleuropa, Křižovatky kultury: Střední Evropa, Перекрестки культуры: Средняя Европа. Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky, Brno 2002, editor: Ivo Pospíšil. Literaturovedčeská slavistika i Central'naja Jevropa. Slavonic Studies and Central Europe. Eslavistica Complutense, vol. 3, 2003, с. 199-215. Comparative Cultural Studies in Central Europe. Editors: Ivo Pospíšil (Brno), Michael Moser (Wien). Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity v Brně, Brno 2004. Central Europe (Mitteleuropa), East-Central Europe (Ostmitteleuropa), East and South-East Europe: Problems of European Areas. In: „New Imagined Communities“. Identity Making in Eastern and South-Eastern Europe. Kalligram and Ústav svetovej literatúry SAV, Bratislava 2010, s. 44-55. Litteraria Humanitas XIII. Austrian, Czech and Slovak Slavonic Studies in Their Central European Context. Editors: Ivo Pospíšil, Michael Moser, Stefan M. Newerkla. Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, Brno 2005. Střední Evropa a Slované (Problémy a osobnosti). Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, Brno 2006. Россия и Центральная Европа с особым учетом чешско-русских литературных связей. In: Универсалии русской литературы 2, сборник статей, ред. А. А. Фаустов. Наука-Юнипресс, Воронеж 2010, с. 606-628. Феномен Центральной Европы и русский культурный элемент в чешской среде (Несколько заметок по поводу метаморфоз чешской рецепции). In: Россия и русские глазами инославянских народов: язык, литература, культура 1. Slavic Eurasia Papers No. 3, Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo, December 2010, с. 69-102.

³ Н. Г.: Naše dvě otázky. Čas, list věnovaný veřejným otázkám, 1886, 1.

³ Н. Г.: Naše dvě otázky. Čas, list věnovaný veřejným otázkám, roč. 1, 1886, 20. 12. См. Hubert Gordon Schauer (1862-1892) и нашу статью *Naše dvě otázky* aneb Cizí studenti na české univerzitě: problém kultury, kompetence, řízení a moci. In: Dialog kultur VII. Katedra slavistiky Pedagogické fakulty Univerzity Hradec Králové ve spolupráci se Společností Franka Wollmana při Ústavu slavistiky FF MU v Brně, Garamond, s. r. o., Hradec Králové 2013, с. 241-249.

неоспоримыми фактами, так как немецкая мысль XIX – начала XX веков – с крайне правых по крайне левых мыслителей, в том числе К. Маркса, Ф. Энгельса⁴, атака Теодора Моммсена на чехов и поляков как варваров Европы – всеобщее известна, как и концепция *Mittleuropa* Ф. Науманна.

Вернемся теперь к книге О. Шпенглера. То, что заинтересовало русских, связано с особым признанием российского мира как особого историко-культурного ареала: „Dem russischen Denken sind die Kategorien des abendländischen ebenso fremd wie diesem die des chinesischen oder griechischen.“⁵

Особое отношение к российскому и русскому культурному пространству обнаруживается и в другой деятельности О. Шпенглера. В его известной корреспонденции с Вольфгангом Греггером (Wolfgang Groeger, 1882 Riga – 1950 Wetter), известным переводчиком с русского, между прочим, поэтического творчества А. С. Пушкина и его прозы, А. Блока (*Двенадцать*), творчества Валерия Брюсова, Льва Толстого, Ильи Эренбурга, Алексея Николаевича Толстого (*Петр Первый*).⁶ Греггер, уроженец Риги, побывал в Москве, позже в Германии и немцам опосредствовал русских классиков и модернистов и в связи с коммуникацией с русским Берлином 20-х – начала 30-х гг. XX века. Шпенглер очарован Россией с самого начала, воспринимая и в *Закате Запада* Россию как молодой мир, которому принадлежит будущее. Сам Шпенглер двигался в пространстве сравнений Л. Толстого, Г. Ибсена, Ф. Достоевского. Интересно и то, что Греггер опосредствовал русской читательской публике в начале 20-х гг. XX века его книгу *Закат Запада* – в Москве у него были лекции на эту тему. Это было во время крупных поисков новых путей, позже советская цензура новые издания *Заката Запада*, как известно, запретила.

То, что раздражает Шпенглера – это традиционная историческая схема, которая живет до сих пор как парадигма эволюции человечества, а именно древность/античность – средневековье/средние века. Концепция новой морфологии истории, которая стала ядром изложения в книге *Закат Запада*, предполагает циклическое движение с постоянными возвращениями, поисками связей и аналогий: настоящее живет образами

⁴ См. F. Wollman, *Slavismy a antislavismy za jara národů*. Academia, Praha 1968.

⁵ О. Spengler: Oswald Spengler: *Der Untergang des Abendlandes. Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte*. Цитировано по изданию: Verlags-GmbH, Stuttgart 1978, с. 31.

⁶ *Der Briefwechsel zwischen Oswald Spengler und Wolfgang E. Groeger über russische Literatur, Zeitgeschichte und soziale Fragen*. Ed. Xenia Werner. Buske, Hamburg 1987. На чешском языке: *Korespondence Oswalda Spenglera s W. E. Groegerem*. Vydala Xenia Wernerová, přel. Ivana Vízdalová. Periplum, Olomouc 2004.

прошлого, проникая во внимание аналогичными процессами и повторением форм исторического движения.

В послесловии к чешскому изданию *Заката Запада* М. Ц. Путна правильно утверждает, что сама этимология и глубинная семантика немецкого названия *Der Untergang des Abendlandes* содержит значение не столько заката или даже исчезновения или уничтожения, разрушения или угасания, сколько именно нисхождения или погружения в противовес восхождению, подъему. Из этого вытекает, что культуры и цивилизации бесследно не исчезают, а только уступают, не переставая существовать в форме будто бы подспудного течения, влияющего, однако, на новые культурные и цивилизационные формации.

Проблема концепции Шпенглера состоит в том, что его взгляд на человеческую историю исходит из романо-германоцентризма, хотя старается выглядеть как противник евро(по)центризма. То, что Шпенглер подчеркивает, связано скорее с западноевропоцентризмом, однако проблема Германии заключается в том, что она является частью Запада только сравнительно недавно. Запад и Восток в прошлом шли по линии Киль (Kiel) – Терст (Trieste по-фурландски, по-немецки Triest, по-венгерски Trieszt, по-латински Tergeste): большинство германских территорий было расположено на Востоке (Мекленбург, Саксония, Нижняя Саксония, Бранденбург, Познань, Нижняя и Верхняя Силезия, Кладско/Клодско, Померания, Западная Пруссия, Восточная Пруссия – Mecklenburg, Sachsen, Niedersachsen, Brandenburg, Posen, Niederschlesien, Oberschlesien, Glatz, Pommern, Westpreußen, Ostpreußen). О том, что этот факт сильно ощущался и в самой немецкой культуре, свидетельствует и искусственное тяготение к Западу в литературе. Даже предполагается, что И. В. Гете, образуя специфический жанр романа воспитания/формирования (Erziehungsroman/Bildungsroman) стремился демонстрировать немецкую литературу как оригинальное целое, состоящее из оригинальных форм.⁷ Это сказывается, прежде всего, не только в недооценке

⁷ Sammons, J. L.: The Mystery of the Missing Bildungsroman, or: What Happened to Wilhelm Meister's Legacy? Genre, vol. XIV, s. 2, Summer 1981, с. 229-246. См. М. Бахтин: Эстетика словесного творчества. Москва 1979; I. Pospíšil: Ruský román. Nástin utváření žánru do konce 19. století. Masarykova univerzita, Brno 1998. I. Pospíšil: Ruský román znovu navštívený. Historie, uzlové body vývoje, teorie a mezinárodní souvislosti: Od počátků k výhledu do současnosti. Ed.: Jaroslav Malina, obálka, grafická a typografická úprava Josef Zeman – Tomáš Mořkovský, Martin Čuta, ilustrace Boris Jirků. Nadace Universitas, Edice Scientia, Akademické nakladatelství CERM v Brně, Nakladatelství a vydavatelství NAUMA v Brně, Brno 2005.

славянского элемента в Европе, но даже в попытках его устранения, выселения, перемещения за границы культурного и цивилизованного мира. В этом, однако, славянское восприятие книги Шпенглера расколото: русские, с одной стороны, оценивают признание цивилизационной миссии России в духе своего традиционного мессианизма (сравнение русского пространства с китайским и греческим или, точнее, с древнегреческим), славяне из Центральной Европы книгу Шпенглера частично игнорировали или принимали в рамках целенаправленной маргинализации – причины понятны. Точнее говоря, например, у чехов – книга Шпенглера воспринималась только некоторыми чешскими мыслителями немного позже в силу других исторических акцентов, связанных с концом Великой войны, с распадом Австро-Венгрии и с образованием независимого государства, – восприняли морфологию истории в концепции О. Шпенглера как своего рода вызов к поискам нового понимания истории и места отдельных наций в ней. Закат или, точнее, нисхождение Запада приводит не к полному его отрицанию или полному отказу от евроатлантических традиций Запада, а, скорее, к поискам новых путей, к философии разных азимутов, не ограниченных односторонней ориентацией на одну морфему культурной и цивилизационной морфологии. В течение 20–30-х гг. – одновременно с поддержкой традиционной демократии парламентского типа – в межвоенной Чехословакии встречается и констатация кризиса демократии, ее слабости и обращения к новым идеям (связь философии О. Шпенглера и его сближение и отталкивание по отношению к идеологии немецкого нацизма 30-х гг. XX века оставляется в стороне). Эти поиски проявляются не столько в сфере философии, политики и политологии, сколько в самой культуре и в ее восприятии наукой; межвоенная Чехословакия представляет собой транзитивный ареал именно в сфере методологии.⁸ *Закат Запада* Освальда Шпенглера и другие его произведения в чешской среде читались и, скорее, незаметно комментировались, но лишь у избранных исследователей, философствующих публицистов и политологов межвоенного периода, будучи интегрирована в более широкий поток поисков выхода из кризисной ситуации тогдашних демократий.

⁸ И. Поспишил: Феномен Центральной Европы и литературоведение: Традиции чешской и словацкой литературной компаративистики и новые веяния. В: И. П.: Методология и теория литературоведческой славистики и Центральная Европа. *Colloquia litteraria Sedlcensia XXI*, Instytut Neofilologii i Badań Interdyscyplinarnych Uniwersytetu Przyrodniczo Humanistycznego w Siedlcach, Siedlce 2015, с. 39-54. По просьбе журнала *Revue des Études slaves* я имел возможность проанализировать чешское восприятие важнейшего в европейской культуре события, каким была в свое время смерть Льва Николаевича Толстого (1910), см. I. Pospíšil: *Double Réfraction. La mort de Tolstoï en Bohême et en Moravie*. *Revue des Études slaves*, tome LXXXI (2010), fascicule 1, Tolstoï 1910. Échos. Résonances. Interprétations. с. 53-70.

И в случае восприятия книги *Закат Запада* и всей философии О. Шпенглера наблюдается особый русский линк. Представляет его русский эмигрант, семья которого была связана с Кишиневом, Одессой, Болгарией и Брно, сын брненского профессора русской литературы по договору Сергея Вилинского (1876 Кишинев – 1950 Прага), Валерий Вилинский (1903 Одесса – 1955 Прага, покончил жизнь самоубийством).⁹ Его книги, посвященные межвоенной Чехословакии и чешской и словацкой литературе, отвечают на коренные вопросы образования старо-новых государств после распада Австро-Венгрии, изучают серьезно и тщательно социальные условия, национальный вопрос, проблему национальных меньшинств, религии и разных вероисповеданий, менталитета, национальной философии. Многие скрыто реагируют и на идеи, выдвинутые О. Шпенглером в книге и книгах, которые Валерий Вилинский читал.¹⁰ Его

⁹ См. наши статьи, посвященные обоим Вилинским: Sergij Vilinskij an der Masaryk-Universitat in Brunn: Fakten und Zusammenhänge. Wiener Slavistisches Jahrbuch, Bd. 42, 1996, с. 223-230. Dva moravští slavisté: Alois Augustin Vrzal a Sergij Grigorovič Vilinskij. Slavia Occidentalis, t. 57, Poznaň 2000, с. 219-233. Изменение темы и метода – Сергей Вилинский в Университете им. Масарика. Русский язык как инославянский (<http://www.slavistickodrustvo.org.rs/izdanja/RJKI.htm>), выпуск IV, Современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении. Славистическое общество Сербии, Београд 2012, с. 7-19. Ruský emigrant se dívá na meziválečné Československo a česko-slovenský vztah. In: Český a slovenský kulturní a politický prostor (vzájemnost – nevzájemnost, vstřícnost – rezistence, ústup – expanze). Ed.: Ivo Pospíšil. Výkonná redaktorka: Lenka Paučová. Česká asociace slavistů, Jan Sojnek, Galium, Brno 2017, с. 151-161. Rodina Vilinských v Československu: Valerij Vilinskij k některým jevům české literatury. Slavica Litteraria 2017, 2, с. 39-47. Далее см. фундаментальную монографию немецкой славистики: Anne Hultsch: Ein Russe in der Tschechoslowakei. Leben und Werk des Publizisten Valerij S. Vilinskij (1903-1955). Böhlau, Köln 2010.

¹⁰ См. его книги: Duch ruské církve. Ladislav Kuncíř, Praha 1930. Duchovní život ruského národa. Naklad. V. Kotrba, Praha 1931. Корни единства русской культуры. Культурно-просветительное общество им. А. Духновича, Ужгород 1928. Mařenka chce jinou vládu. Občanská tiskárna, Brno 1933. Pronásledování náboženství v Rusku. Exerciční dům, Hlučín ve Slezsku 1930. Черты идеологии русско-католического движения. Апостолат св. Кирилла и Мефодия, Ужгород 1928. V. Vilinskij: O sjednocení církví. Exerciční dům, Hlučín ve Slezsku 1928. Ruská revolúcia. V rukopise poslovenčil Vojtech Hatala, Spolok sv. Vojtecha, Trnava 1936. Unionizmus. Do slovenčiny upravil Ladislav Šulgan-Lazovský. Spolok sv. Vojtecha, Trnava 1932. Slovanství, unionismus, orelstvo. Nákladem Čs. orla, Brno 1932. Otokar Březina. Przegląd Powszechny, 71-86, 207-225. Kraków 1931. Jaroslav Durych. Przegląd Powszechny, 20-89, Kraków 1930. Týž: Jakub Deml. Przegląd Powszechny, s. 285-301, Kraków 1933. См. наши статьи: Singularity and the Czech Interwar Essay among the Currents: František Xaver Šalda, Karel Čapek, and Jaroslav Durych. Primerjalna književnost, letnik 33, št. 1, Ljubljana, junij 2010, с. 131-142. Pavol Strauss a hrst českých souvislostí. In: Pavol Strauss a katolícka moderna. Ed.: Ján Gallik. Ústav stredoeurópskych jazykov a kultúr, Fakulta stredoeurópskych štúdií, Univerzita Konštantína Filozofa, Nitra 2014, с. 91-109. См. и некоторые по-чешски написанные книги В. Вилинского: Ruský národ a sjednocení církví. Nákladem Apoštolátu sv. Cyrila a Metoděje pod ochranou bl. Panny Marie vytiskly Lidové závody tiskařské, Olomouc 1928. K slovanské otázce. Tři koncepce slovanské vzájemnosti. Václav Petr, Praha 1930. V Rusku boj trvá... (Politické vraždy, procesy a spiknutí v SSSR). Naklad. Solc a Šimáček, s. r. o., Praha 1933. Ruská revoluce 1825-1936. Vydáno nákladem knihkupectví společenských podniků, Přerov 1936. Rus se dívá na ČSR. Václav Petr, Praha 1931. Интересно, что автором обложки является художник, скульптор и архитектор Йосеф Каплицкий, отец знаменитого чешско-английского архитектора Яна Каплицкого (1937-2009).

ведущую позицию среди русских специалистов, живущих в межвоенной Чехословакии, не ослабляет даже его трагическая судьба и преждевременная кончина.¹¹

В этом смысле очарованию Шпенглера русским феноменом соответствует и чешское очарование всем русским после Первой мировой войны в связи с образованием Чехословакии, с возвращением чехословацких легионеров из советской России, с приходом восточнославянской эмиграции, в особенности русской, с Русской акцией президента, историка философии, социолога, политолога и, в конце концов, русиста Т. Г. Масарика и с левыми тенденциями в чешском авангардизме 20–30-х гг. XX века.

Русский феномен трансформируется в советском авангардизме 20-х гг. XX века в глазах чешской левой критики и в дискуссиях, носящих эстетический и литературоведческий характер. Одним из представителей положительной критики советского авангардизма стал Йиржи Вейль (Jiří Weil, 1900–1959)¹², который в чешской среде первым показал Н. С. Лескова в духе русских модернистских критиков как предтечу поэтики русского модернизма, а именно – по следам Б. Эйхенбаума – сказа как особой нарративной техники и стратегии. Вейль являлся одним из доминантных интерпретаторов тогдашней русской советской литературы как убежденный коммунист авангардного толка, противопоставляя ее творчеству русских эмигрантов. Сам побывал в СССР (Интергельпо), был исключен из партии, стал в СССР жертвой политического преследования, был в ГУЛАГе, потом вернулся в межвоенную Чехословакию и, когда издал первую критическую реакцию на ситуацию в сталинском СССР *Москва – граница* (1937), был провозглашен троцкистом; позже как еврей чудом пережил немецкую нацистскую оккупацию и преследования 50-х годов, но рано скончался. И его другие книги о СССР – наряду с книгой Б. Палковского о советской цивилизации¹³ – представляют, с современной точки зрения, большой интерес. Таким образом, в чешской культурной среде происходит столкновение традиционалистов и модернистов в смысле изложения универсальности русской литературы или же ответа на вопрос, кому

¹¹ См. P. Žáček: V-101 (Valerij Vilinskij): agent, ze kterého se dalo žít. In: Matej Medvecký (ed.): *Posledné a prvé slobodné(?) voľby – 1946, 1990. Zborník z odborného seminára, Ústav pamäti národa, Bratislava 2006*, c. 102-159. K. Kaplan: *Protistátní bezpečnost. 1945-1948. Historie vzniku a působení STB jako mocenského nástroje KSČ. Plus, Praha 2015*. J. Dvořáková: *Státní bezpečnost v letech 1945-1953. Úřad dokumentace a vyšetřování zločinů komunismu. Praha 2007*. M. C. Putna: *Hořký život Rusů v Čechách*. http://www.lidovky.cz/putna-horky-zivot-rusu-v-cechach-do8-nazory.aspx?c=A111118_183244_ln_nazory_ape, ссылка 13. 8. 2016, 9:39.

¹² См. I. Pospíšil: *Podoby a proměny židovství: Jiří Weil (1900-1959)*. *Novaja rusistika* 2017, 1, c. 81-93.

¹³ См. I. Pospíšil: *K civilizační roli Ruska a SSSR: Vasilij A. Žukovskij – Ludovít Štúr – Břetislav Palkovský*. In: *Areál Ruska ve světle historických výročí (1709, 1812, 1941, 1991): jazyk – literatura – dějiny kultury*. Eds: Ivo Pospíšil, Josef Šaur. *Masarykova univerzita, Brno 2012*, c. 139-156. I. Pospíšil: *Советский Союз и советская культура в восприятии Бржетислава Палковского*. *Slavistika, Kn. XVI (2012)*, Beograd 2012, c. 463-472.

принадлежит будущее. Культ И. Бабеля, Б. Пильняка, В. Маяковского, формалистов, ЛЕФа вообще, пролетарской литературы, а также авторов Перевала, тяготеющих скорее к преемственности по отношению к русской классике.¹⁴

Книга Бржетислава Палковского, характерно названная *За советской цивилизацией*, была издана в 1936 г. в генеральной комиссии издательства Orbis, проспект Фоша 62, со следующим посвящением: „Товарищу (в чешском явный русизм „továruš“) Ольге Палковской, верной спутнице в горе и в радости, автору многих хороших замечаний и идей, посвящаются следующие общие записки.“ Книга была издана на деньги автора и с помощью рекламы (реклама металлургического завода Витковице как видного экспортера в СССР – русский текст по новому правописанию, реклама на русские фосфаты и чехословацкие заводы на азот – с элементами дореволюционного правописания, кажется, под влиянием сотрудничества русского эмигранта), реклама на шины фирмы Батя на плавильни и металлургические заводы Богумин, демонстрирует огромный подъем экономического сотрудничества, скорее, однако, потенциал этого сотрудничества, интерес сотрудничать – первопричиной было, наверное, последствие мирового экономического кризиса, наступление международного фашизма и нацизма и приближающееся подписание союзнического договора под давлением рождающейся гитлеровской Германии. Название книги характерно: она содержит тонкие наблюдения из жизни в СССР, но, главным образом, представляет собой утопические поиски нового типа цивилизации, политической системы и образа жизни, чтобы реформировать классическую модель парламентской демократии, которая постепенно перестает функционировать под давлением диктатур в Италии и Германии. Умный подход автора, являющегося явным сторонником концепции Масарика и Бенеша, обнаруживается в его сдержанном отношении к политическим вопросам, в попытках проникнуть под поверхность односторонней советской и западной пропаганды в ядро политической системы, не игнорируя, как он сам пишет, даже философские проблемы и быт „нового человека“ в столице.¹⁵ Путевые записки Палковского можно, следовательно,

¹⁴ См. И. Поспишил: Универсальный характер русской литературы в стадийном чешском освещении в перипетиях XIX–XXI веков (несколько заметок). Универсалии русской литературы 7. Ред. Андрей Фаустов (Воронежский гос. университет), М. Фрайзе (Matthias Freise, Göttingen). Воронежский гос. университет, Издательский дом ВГУ, Воронеж 2019, с. 303-316.

¹⁵ В. Palkovský: *Za sovětskou civilisací*. Orbis, Praha 1936, с. 7-8. О Бржетиславе Палковском (1888-1978), чешском историке и литераторе, сыгравшем любопытную роль в Праге в период мюнхенского сговора, лондонском эмигранте в годы Второй мировой войны, известно сравнительно мало. Более подробно см. нашу статью : *K civilizační roli Ruska a SSSR: Vasilij A. Žukovskij – Ludovít Štúr – Břetislav Palkovský*. In: *Areál Ruska ve světle historických výročí (1709, 1812, 1941, 1991): jazyk – literatura – dějiny kultury*. Eds: Ivo Pospíšil, Josef Šaur. Masarykova univerzita, Brno 2012, с. 139-156.

считать хорошим примером глубинных комментариев и ранней моделью ареальных исследований с целью найти разные типы политической системы, отличающейся от до сих пор существующих, на правой и левой сторонах политического спектра. Надо, однако, добавить, что автор не пишет о политическом преследовании и о ГУЛАГе, о расправе с оппозицией, о геноцидных явлениях в Беларуси и в Украине в начале 30-х гг. XX века накануне московских процессов с партийной верхушкой и советским генералитетом. Он по каким-то причинам не упоминает даже внутривнутрипартийные споры. Однако, если принять во внимание тогдашние рефлексии о советской России, например, молодого Г. Г. Уэллса¹⁶ или Р. Ролланда и А. Жида или Й. Вейла¹⁷, нельзя свидетельство Б. Палковского недооценивать, а именно по той причине, что он тщательно и детально изучает разные сферы жизни и что речь идет не о беллетристике. Сам Палковский усматривает значение своей книги в констатации того, что он на самом деле видел и в противопоставлении идеологически положительным или отрицательным изложениям советской реальности. Ясно, что поиски новых путей связаны не только с феноменом советской цивилизации, но и с традициями всевропейского очарования всем русским как экзотическим, молодым, новым, странным, что сами русские любят и сегодня таинственно поддерживать. Ясных заключений или подведения итогов, однако, найти невозможно.¹⁸

Следует принять во внимание ситуацию, в которой Палковский предпринимает свое путешествие чехословацким автомобилем через два – три года после прихода Гитлера к власти. Европа еще живет в конце всеобщего экономического кризиса, бьется в катастрофах, катаклизмах и конфликтах, находится в постоянном политическом напряжении; демократические страны ослабевают, уступая и подчиняясь диктатурам и угрозам войны. Фашистская Италия стремится возобновить Римскую Империю, в Азии свирепствует японский империализм, международные организации беспомощны,

¹⁶ H. G. Wells; *Russia in the Shadow*, 1920, см. чешское издание как *Soumrak Ruska*, B. Kočí, Praha 1920, позже *Rusko v mlze*, SNPL, Praha 1960.

¹⁷ Более подробно см. в нашей выше упомянутой статье. См. также новое советское издание *Два взгляда из-за рубежа*. Изд. политической литературы, Москва 1990 (Лион Фейхтвангер, Андре Жид: *Retour de l' U. R. S. S. Gallimard, Paris 1937*, адаптировано как *Retouches à mon Retour de l' U. R. S. S. Gallimard, Paris 1937*, чешский перевод Богумила Матхезиуса с его вступительной статьей Андре Жид и Советский Союз. *Družstevní práce, Praha 1936/1937*). Негативная реакция С. К. Неймана *Анти-Жид или Оптимизм без суеверий и иллюзий (Anti-Gide aneb Optimismus bez pověr a ilusí. Lidová kultura, Praha 1937)*. О Й. Вейле см. нашу статью [в](#) рецензии: *Podoby a proměny židovství: Jiří Weil (1900-1959). Novaja rusistika 2017*, č. 1, s. 81-93. *Nezbytlí kritického myšlení (Weil – Orwell). Právo lidu 18. 12. 1991*, s. 6. *Stádnost a intelekt (Jiří Weil: Moskva – hranice, Praha 1991)*. *Lidová demokracie 2. 10. 1991*, s. 5. *Bohové jsou zlí... (Jiří Weil: Dřevěná lžice, Praha 1992)*. *Rovnost 12. 1. 1993*, s. 5. См. также мемуары: Jaroslava Vondráčková: *Mrazilo – tálo (O Jiřím Weilovi)*. TORST, Praha 2014.

¹⁸ Palkovský, s. 8-9.

капитализм в Чехословакии приобретает иногда новую, более „народную“ форму, в других странах дается предпочтение авторитарным режимам националистского типа. (Польша, Венгрия, Австрия, Румыния, Югославия). На таких перекрестках находилась Европа к концу 30-х гг. XX века, и недаром теперь историки и политологи сравнивают современное состояние Европы и тем более всего мира с тем, чем жила Европа в это время. В книге Палковского можно найти разделы, посвященные сравнению России и Германии, ситуации на финляндско-советской границе.

Интересно то, как взгляды Палковского соответствуют взглядам будущего советского диссидента А. Зиновьева: СССР – это эксперимент, который может возбуждать не только надежды, но и страх. Страх возбуждали, прежде всего, успехи СССР в промышленности, на международной дипломатической сцене, в сфере ловкой и умной иностранной политики, страх, что советскую систему можно механически перенести в западную Европу и США. Опасались, главным образом, гуманистические философы, не только правящие круги, боялись коллективизма, тоталитарной системы, авторитарной практики, угрозы правам человека. Ведь Чехословакия была страной, в которой как в одной из первых стран издали в переводе дистопический роман Е. Замятина *Мы*.¹⁹ Большая и сравнительно политически и экономически сильная Чехословацкая Республика, растянутая от города Аш до Ясины в Подкарпатской Руси, с границей с Германией, Австрией, Польшей, Венгрией и Румынией была транзитивной зоной, территорией, на которой бытовали разные идеи и теории от крайне правых по крайне левые, где господствовала свобода слова, формальная демократия, страна, в которой политическая система – несмотря на проблемы – функционировала, хотя в 30-е годы XX века хуже, чем раньше. Это была сложная обстановка, которую современные политологи – увы! – не очень детально исследуют во всех ее формах и по всем релевантным аспектам. С позиции Палковского следовало бы более тщательно исследовать ситуацию внутри правящей партии (троцкизм, оппозиция, идея неоконченной или преданной революции, см. книгу Льва Троцкого *The Betrayed Revolution*, также Isaac Deutscher, 1907–1967, и его книга *The Unfinished Revolution, Russia 1917–1967*). Все это Палковский, может быть, и видел, не упоминая этого, вполне возможно, по дипломатическим причинам. Он старался описать элементы, которые можно было интегрировать, главным образом, экономику, не переставая искать также элементы опасные и угрожающие, предвосхищая будущие угрозы. Это общее брожение,

¹⁹ Jevgenij Zamjatin: *Мы*. Перевел V. Koenig. Ot. Štorch-Marien, Praha 1927.

которое метко выразил чешский философ Й. Л. Фишер (J. L. Fischer) в книге *Кризис демократии* (*Krise demokracie*, 1933, новое издание Karolinum, Praha 2005) и других, среди которых, например, *День после войны* (*Den po válce*, Praha 1946).

Палковский занимает критическую позицию не только по отношению к советским институтам, но и к русским эмигрантам, утверждающим, что в царской России люди жили лучше.²⁰ В межвоенной Чехословакии писали о СССР, кроме историков и публицистов типа Палковского, и настоящие философы, и философы истории, которые занимались советским феноменом системно, например Ян Славик.²¹

Хотя Палковский видел в СССР проблемы и явления, которые ему, естественно, не нравились, стремится к объективной картине страны и ее политической системы, ища настоящую новую цивилизацию, хотя не вполне успешно.

В связи с русским аспектом творчества О. Шпенглера мы старались показать восприятие его концепции в чешской среде как противоречивое в силу другой ситуации межвоенной Чехословакии, в которой *Закат Запада* вызывал скорее скромную реакцию – о причинах писалось выше – он, главным образом, выдвинул скорее упорные поиски новых альтернатив, нежели критику или восхищение. Таким образом чешская рецепция была скорее косвенной, подспудной, хотя и здесь появились мыслители, которые понимали Шпенглера и его исторический скепсис в контексте немецкой философии воли в русле концепций А. Шопенгауэра, и Ф. Ницше.

Исходя из творчества уже упомянутого Йосефа Лудвика Фишера (Josef Ludvík Fischer, 1894-1973), а именно из его книг о кризисе демократии, можно без преувеличения утверждать, что философия Фишера является своеобразным откликом на О. Шпенглера – она более рационалистична, исходящая из прагматизма и ведущая к формированию оригинальной системы структуральной философии (по-чешски „skladebná filosofie“), т. е. своеобразной холистической философии, которую он изложил еще в книге *Основы познания* (*Základy poznání*, 1931) как особый функциональный структурализм. Кризис демократии – это более общее проявление кризиса культуры в силу диктатуры количества и механистического восприятия реальности. Недаром в начале карьеры Фишер занялся переводами Шопенгауэра.²² Хотя к Фишеру чехи

²⁰ Palkovský, с. 10.

²¹ См. сб. *Život plný střetů. Dílo a odkaz historika Jana Slavíka (1885-1978)*. Sestavili Lukáš Babka a Petr Roubal. Bibliografie Jana Slavíka. Petr Mervart/Národní knihovna ČR – Slovanská knihovna, Praha 2009.

²² A. Schopenhauer: *Genius; Umění; Lásky; Světec*. Vybral, přeložil a doslovem opatřil J. L. Fischer. Symposion, Praha 1923; новое издание Votobia, Olomouc 1994.

вернулись снова после 1989 г., его творчество и импульсы его философии, и в связи с разными другими философиями, включая и контекст творчества О. Шпенглера, до сих пор недооцениваются.²³

Особую рефлексию широкого потока немецкой Naturphilosophie представляет Лев Борский (Lev Borský, собственное имя Лев Бонды, 1883–1944, погиб как еврей в концлагере Освенцим), чешский журналист, политик, в годы Первой мировой войны участник отечественного и заграничного движения народного сопротивления, 1918–1920 гг. чехословацкий дипломат в Риме, потом редактор, профессор дипломатики и современной истории в Праге. Свои философские концепции он изложил в книге *Фридрих Ницше, эволюция его философии* (*Bedřich Nietzsche, vývoj jeho filosofie*, 1912) и на более широком фоне в монографии *Вожди человечества и его соблазнитель* (*Vůdcové lidstva a jeho svůdci*, 1935).²⁴

Он положительно воспринимает критику христианства у Ницше, его вклад усматривается именно в его философии жизни, считая его первым биологическим философом и в этом смысле завершителем концепций Спенсера и Дарвина, оценивая, главным образом, концепцию аристократической, индивидуалистической морали силы, возвышенности сверхчеловека. Свою биофилософию и биополитику он развивает именно в связи с Ф. Ницше, Н. Данилевским и О. Шпенглером в книге о вождях и соблазнителях, в которой он исследует биологическое развитие общества, начиная со своей молодости и до старости, включая дегенерацию и смерть. Причины упадка он находит в неумеренном недостатке и излишестве культуры как утонченности и смягчения – точно по этимологии этого латинского слова, что приводит к слабости, преждевременному старению и всеобщей деградации, к слабости и смерти. Старые нации и цивилизации разумны, умеренны, миролюбивы. Биополитика связана с биософией, биофилософией, акцентирует мужество, которое не могут обеспечить интеллектуальные слои населения, богатые люди или пацифисты, а, напротив, здоровая религия, поддержка семьи, военный характер государства. Таким образом, Борский считает циклическую морфологию истории цивилизаций не фатальной, роковой, а потенциально подвергающейся влиянию человека и общества.

²³ См., среди прочего, фундаментальную работу брненского философа Й. Габриэла: J. Gabriel: *J. L. Fischer v letech 1945–1948*. 1. část. In: *Studia philosophica*, 59, 2012, 1, с. 71–85. J. Gabriel: *J. L. Fischer v letech 1945–1948*. 2. část. In: *Studia philosophica*, 59, 2012, 2, с. 63–80.

²⁴ L. Borský: *Bedřich Nietzsche. Vývoj jeho filosofie*. Naklad. Dr. Ant. Hajna. Praha 1912. Тот же: *Vůdcové lidstva a jeho svůdci. Základy biopolitiky*. Edice Cesta, Naklad. Otakar Skýpala, Praha 1935.

Из сказанного вытекает, что рецепция творчества О. Шпенглера и его стержневой книги в чешской среде, как центрально-европейской, связано с историческим опытом страны, что его взгляды и импульсы восприняты не прямым путем, а, скорее, косвенно, как особая, подспудная инспирация, чем прямое влияние или воздействие. Определенная сдержанность и скепсис объяснимы тогдашним чешско-немецким отношением, так что импульсы Шпенглера восприняты скорее на фоне более широкого потока немецкой субъективистской философии А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, которые были восприняты еще предыдущими чешскими поколениями начала XX века, как своего рода их результат и применение в философии истории и прикладной политологии.